

A high-contrast, black and white close-up portrait of an elderly man. The image focuses on his face, showing deep wrinkles on his forehead and around his eyes. He has a thin, grey mustache and is looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a light-colored, collared shirt. The background is dark and out of focus.

ДОНАТА МИТАИТЕ • ТОМАС ВЕНЦЛОВА

Доната Митайте
Томас Венцлова

«Новое издательство»

2005

Митайте Д.

Томас Венцлова / Д. Митайте — «Новое издательство», 2005

Книга Донаты Митайте – первая научная биография Томаса Венцловы – знаменитого литовского поэта мировой величины, блестящего переводчика, литературоведа и профессора Йельского университета, мыслителя и диссидента, лишённого в 1977 году советского гражданства, друга Иосифа Бродского и Чеслава Милоша. Книга дополнена уникальными фотографиями из частных архивов и подборкой интервью с друзьями Венцловы – Натальей Горбаневской, Чеславом Милошем и др.

© Митайте Д., 2005

© Новое издательство, 2005

Содержание

Предисловие	5
1. Детство	6
2. Студенческие годы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Доната Митайте Томас Венцлова

Предисловие

Томас Венцлова, наверное, самый известный в современном мире человек литовской культуры. Слушая его стихи по-литовски (а поэтические вечера Томаса Венцловы состоялись во многих странах), люди слышат саму Литву. Его все чаще переводят, и это говорит о том, что поэзия Венцловы востребована не только на родине. Более того, в Литве ее часто понимают хуже, чем за рубежом. Этот парадокс возникает за счет того, что место поэта в литовской литературе еще не определено: Томас Венцлова – «неожиданная литературная фигура, не вписывающаяся в привычные хрестоматийные рамки. Мы хорошо знакомы с тем типом писателя, который и физически, и творчески обязывается не оставлять свою деревню, свой город, Неман, Дубису, родной дом. Томас Венцлова же принадлежит к другому типу писателя, обязанности которого интеллектуальны и не связаны с географией проживания».¹

Тем не менее в Литве становится все больше внимательных читателей его поэзии. В этой книге я попыталась показать ту уникальность происхождения, образования, судьбы, самого творчества поэта, которая требует осмысления как составная часть всей литовской культуры.

Наследие западной и русской поэзии Томас Венцлова соединил с литовской традицией, создав таким образом особый голос, обращенный к читателям во многих странах.

Я от всего сердца благодарю мать поэта Элизу Венцловене, самого Томаса Венцлову, его ближайшего друга Рамунаса Катилюса за добрую помощь, за долгие часы, проведенные в обсуждении контекстов поэзии и прошлого. Я благодарю Аудрониса Катилюса, Броне Катинене, Джорджа Л. Клайна, Михаила Лотмана, Лютаса Моцкунаса, Натали Трауберг за разрешение пользоваться их личными архивами. Я бесконечно благодарна своим собеседникам и корреспондентам: Людмиле Алексеевой, Роберту Берду, Эндре Бойтару, Зенонасу Буткявичюсу, Каме Гинкасу, Владимиру Гольштейну, Наталии Горбаневской, Генриетте Яновской, Светлане Евдокимовой, Николаю Котрелеву, Марцелиюсу Мартинайтису, Чеславу Милошу, Пранасу Моркусу, Григорию Померанцу, Аурелии Рагаускайте, Диане Сенешаль, Людмиле Сергеевой, Ирене Вейсайте и многим другим, чьи рассказы помогли мне составить представление об этой, уже уходящей в прошлое, эпохе.

Я благодарна Виктории Дауетите, Витаутасу Кубилиусу, а также своим коллегам – сотрудникам Института литовской литературы и фольклора за помощь и советы.

---

¹ *Martinaitis M. Prilenktas prie savo gyvenimo. Vilnius, 1998. P. 206—207.*

1. Детство

*Первые яркие мои воспоминания – времена нацистской оккупации.
Для меня они были травмой.*

Томас Венцлова

20 сентября 1937 года Антанас Венцлова писал своему брату Пиюсу: «У нас есть кое-какие новости: одиннадцатого числа этого месяца родился сын. Я его уже зарегистрировал. Имена дали такие – Томас (в честь нашего отца) и Андриус. Люля через несколько дней вернется из больницы. Сын тоже совсем здоров и, как говорят врачи, хорошо растет».²

Отец Томаса, известный литовский писатель, выпустивший два сборника стихов, одну книгу рассказов и один роман, в то время работал учителем в литовской гимназии – единственной в Клайпеде. Кроме того, он был редактором выходившего в 1930—1931 годах левого журнала «Третий фронт». Как писатель он безусловно принадлежал к левому крылу литовской литературы. Отец Антанаса Венцловы, в честь которого тот назвал сына, был сувалкийским крестьянином-средняком и умер от тифа в 1919 году. Дедушка со стороны матери, Меркелис Рачкаускас, – профессор классической филологии Каунасского университета. С его семьей Томасу младшему пришлось общаться больше, и именно она повлияла на его становление.

В это время мир входил в самый тревожный период XX века. В Клайпеде уже ощущались фашистские настроения соседней Германии: газета Memeler Dampfboot³ напечатала Mein Kampf Гитлера, по улицам маршировали отряды гитлерюгенда, росло межнациональное напряжение. Подписанный 23 августа 1939 года пакт Молотова–Риббентропа надолго определил судьбу Литвы. Эти политические катаклизмы отразились и на семье поэта: Антанас Венцлова активно участвовал в советизации Литвы, а спустя сорок лет его сын присоединился к единомышленникам академика Сахарова.

22 марта 1939 года правительство Литвы было вынуждено отдать Клайпедский край Германии, и отцу Томаса пришлось срочно возвращаться в Каунас с женой и маленьким сыном. У Антанаса Венцловы давно сложилась репутация левого деятеля, но о том, что его назначили наркомом просвещения, он сам узнал случайно в Риге, возвращаясь домой из Эстонии. Вместе со своим свояком Пятрасом Цвиркой, тоже левым писателем, Венцлова был избран в так называемый Народный сейм и содействовал включению Литвы в состав Советского Союза. Так он, надеясь на улучшение жизни в Литве, стал активным сторонником советизации.

В самом начале войны, когда начались бомбежки, Венцлова отвез жену и сына в деревню Ерузале под Вильнюсом. Ему казалось, что там им будет безопаснее, что война скоро кончится. Но все сложилось иначе. Антанас в конце концов очутился в Москве и на три года был отрезан от родных, а его семья пережила много потрясений. Со времен Ерузале у Томаса осталось воспоминание о том, «как немцы сбили русский самолет и расстреляли спускающихся парашютистов».⁴

Элиза Венцловене иногда ходила из деревни на вильнюсский рынок, заодно навещая свою квартиру. Однажды она не вернулась: ее арестовали по ложному доносу служанки, работавшей раньше в их семье. Та сообщила немецким властям, что Элиза еврейка. Венцловене пробыла в тюрьме полтора месяца, терпя издевательства и мучаясь без вестей от родных. Она чудом избежала расстрела. Выйдя из тюрьмы, Элиза увидела, что в ее волосах появилась широкая прядь седых волос.

---

² Отдел рукописей библиотеки Института литовской литературы и фольклора [далее: LLTI BRS]. Ф. 5. Ед. хр. 1785.

³ «Клайпедский пароход» (нем.). Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат переводчикам книги.

⁴ Венцлова Т. Автобиография (личный архив автора).

Так Томас остался один среди чужих людей. Ему шел четвертый год, соседи называли его профессором: мальчик уже умел читать и по-взрослому всем интересовался. Его отправили через знакомых в Каунас, к дяде матери, Каролису Вайрасу-Рачкаускасу, а когда Элизу выпустили из тюрьмы, они поселились недалеко от Каунаса, в Верхней Фреде, где была усадьба дедушки. Там жил в военные годы и двоюродный брат Томаса Андриус Цвирка, родители которого тоже были в России. Полтора месяца среди чужих людей, «рано испытанное, абсолютное, просто необратимое одиночество»⁵, когда вдруг исчезли и отец, и мать, травмировали Томаса. После того как Элиза вернулась, он панически боялся потерять ее из виду.

Мальчика нельзя было оторвать от книг, а мать хотела, чтобы он занимался и чем-то другим. Однажды взрослые решили поставить с детьми «Красную Шапочку». Томас репетировал роль Волка, в представлении участвовали все соседские дети. Но в самый ответственный момент, когда Волк должен был съесть Красную Шапочку, оказалось, что он исчез. Нашли его быстро – Томас читал книгу в развилке старой яблони. Играть ему быстро надоело, зато книги не надоели никогда⁶. Верхняя Фреда так и осталась в сознании поэта домом детства: «На Рождество я, конечно, вспоминаю детство, снег в Верхней Фреде, где я тогда жил, молодую красавицу маму и ее отца, Меркелиса Рачкаускаса, в наряде Рождественского Деда».⁷

Но он запомнил не только домашнее тепло, но и еврея с желтой звездой, идущего по обочине, флаг СС на улице в Каунасе, бомбежки. Жители Фреды прятались от них в огромной трубе, проходящей под шоссе. Враждебность окружающего мира чувствовали и дети, и взрослые. Дедушку, как «тестя двух большевиков», уволили из университета, ему пришлось преподавать в гимназии. Мать тоже постоянно чувствовала угрозу для себя и детей. Однажды, гуляя с детьми, она услышала от проходящего мимо военного: «Этих нехристей следует так же расстреливать, как еврейских детей». Испуганные Элиза Венцловене и Елена Рачкаускене отвели мальчиков в костел и окрестили, надеясь их обезопасить.⁸

Отец вернулся летом 1944-го. Томасу шел седьмой год, но он был по-взрослому мудр и рассудителен. Таким его и увидел отец, описавший эту первую за три года встречу с сыном в автобиографической книге «Буря в полдень»:

Из кухни прибежал мальчик – высокий, тонкий, голубоглазый. Он удивленно смотрел на меня, словно не понимая, кто это...

– Я всем говорил, что ты в Вильнюсе, – сказал сын. – Но я знал, что ты в Москве...

– Почему же ты так говорил?

– Да ведь немцы, – по-взрослому серьезно ответил он.⁹

Вернувшемуся отцу он показывает не игрушки, а свою драму, персонажи которой – «верблюды, мыши, вороны, кузнечики и, кроме того, Амундсен».¹⁰

В Верхней Фреде, где Томас провел много времени и в военные годы, и позже, его окружали родственники, среди которых были яркие и талантливые люди. О матери Томас позднее напишет: «Человек редкой внутренней стойкости, она дала мне несколько самых главных уроков жизни».¹¹

Элиза была очень образованной, мечтала стать балериной. Ее артистичность оценил даже легендарный литовский режиссер Юозас Мильтинис. Она так и не реализовала этих талантов, посвятив себя семье. Элизу прекрасно характеризуют слова, написанные сыну в непростой для него период: «...я все время думаю о Тебе <...>, но я ничего не могу, только любить Те

⁵ Manau, kad...: Pokalbiai su Tomu Venclova. Vilnius, 2000. P. 154.

⁶ Диктофонная запись беседы с Э. Венцловене от 13 декабря 1998 года (личный архив автора).

⁷ Skatikai R. Į pasaulio ateitį rašytojas žvelgia su nerimu // Respublika. 2001. 24 gruodžio. P. 3.

⁸ Диктофонная запись беседы с Э. Венцловене от 30 декабря 2001 года (личный архив автора).

⁹ Венцлова А. Буря в полдень. М., 1978. С. 338.

¹⁰ Там же. С. 338.

¹¹ Manau, kad...: Pokalbiai su Tomu Venclova. P. 224.

б я»¹². Любовь подсказывала ей, как помочь близким в тяжелых ситуациях. Во время войны Элизу Венцловене преследовали как жену наркома. После того как эмигрировал сын – как мать антисоветчика и эмигранта. Она достойно прошла эти испытания.

Отец матери, Меркелис Рачкаускас, был специалистом по древним языкам, знатоком античной литературы, интеллектуалом. По семейной легенде, он выбрал эту специальность в Петербургском университете, потому что искал «аудиторию попустынное». Желающих учиться химии у Менделеева или физиологии у Павлова было очень много, а здесь профессор и пара студентов читали Персия. Рачкаускас был очень строг со своими детьми (и они его побаивались, лишь Мария, самая младшая, смела ему возразить, потом показать язык и сбежать), но с внуками стал помягче¹³. Гордый и самостоятельный, в старости (1968) он испугался, что неизлечимо болен и, не желая быть в тягость близким, кончил жизнь самоубийством – выстрелил себе в сердце. «Он поступил как человек античности!» – восторженно воскликнул Томас.¹⁴

Кстати, Томаса, как и его дедушку, всю жизнь привлекали «аудитории попустынное». Рачкаускас перевел диалоги Платона, «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского, «О природе вещей» Лукреция, оставил талантливые воспоминания. Его жена Елена Рачкаускене, «бабуля», происходила из обнищавших польских дворян, вышла замуж за литовца, выучила литовский язык ради мужа и детей, ходивших в литовскую школу. Она была фаталисткой, во время войны даже не спускалась в убежище, потому что была убеждена, что прятаться бесполезно. Елену все любили. Во время войны даже полицейский ее предупреждал, когда Элизе было небезопасно ночевать дома.

Часто во Фреду наезжал брат дедушки Каролис Вайрас-Рачкаускас. В юности он собирался стать ксендзом, но перед самым постригом сбежал и спрятался в трюме корабля, направлявшегося в Америку. В конце концов он стал писателем, переводчиком и дипломатом. Каролис учил Томаса географии и английскому языку. Когда Томас в 1986 году посетил ЮАР, он обнаружил там след Каролиса: «Пересматриваю в библиотеке старые адресные книги, ищу консульство Литвы. Ура! В книге 1932 года нахожу и Каролиса Вайраса-Рачкаускаса, и адрес консульства. [Дом] высоко на склоне горы, в одном из красивейших мест Кейптауна¹⁵».

Близкими людьми Томаса были и тетя Мария Рачкаускайте-Цвиркене, и ее муж Пятрас Цвирка – родители Андриуса. Мария Рачкаускайте, художница-импрессионистка, еще до советизации Литвы объездила Европу. Дядя Пятрас, ее муж, был известным советским писателем, остроумным и живым человеком. Он учил детей плавать в Немане, писал стишки и короткие рассказы, главными героями которых были Томас и Андриус. Цвирка любил обсуждать литературу, и Томас с интересом слушал его острые речи, критикующие произведения других писателей. Ранняя смерть Цвирки в 1947 году потрясла Томаса.

В Верхнюю Фреду наведывались и другие писатели, среди них – такие признанные классики литовской литературы, как Антанас Вайчюлайтис и Казис Борута. История о том, как в конце войны там появился Генрикас Радаускас, поэтическую традицию которого Томас Венцлова в некотором смысле продолжил, и покачал будущего поэта на качелях, стала семейной легендой.

В такой атмосфере прошло детство Томаса. Во многом благодаря этому интеллигентному дому он впоследствии выделялся из среды литовских писателей, которые по большей части выросли в деревне. Еще в юности друзья замечали, что Томас отличается от молодежи из самых

¹² Письмо Э. Венцловене Т. Венцлове от 23 июня 1965 года // LLTI BRS. Ф. 5. Ед. хр. 1786.

¹³ Диктофонная запись беседы с Э. Венцловене от 18 июля 1999 года (личный архив автора).

¹⁴ *Venclova A. Prie Nemuno liepsnoja uogos. Vilnius, 1996. P. 525.*

¹⁵ *Venclova T. Apartheido dienoraštis // Akiračiai. 1986. № 9. P. 5.*

разных семей, поскольку его образование не случайное, нахватанное, а «впитанное с молоком матери», «фундаментальное и систематичное».¹⁶

В конце 1946 года семья поселилась в Вильнюсе, а осенью 1947-го Томас пошел в Первую мужскую гимназию. Позднее он шутя называл отдельные школы для мальчиков и девочек еще одним преступлением Иосифа Виссарионовича (хотя в Литве такие школы были и до его правления): «Мальчики совсем не знали, что такое девочки, и считали их другим биологическим видом¹⁷». Школу заделали и послевоенные драмы: исчезли двое одноклассников Томаса – их выслали вместе с родителями. То же произошло с дядей Томаса – братом отца, которого Антанас не смог спасти, как ни старался.

Дорога до школы была неблизкой. Надо было пройти Немецкую улицу, разрушенную в годы войны, рядом с которой громоздились развалины вильнюсского гетто. Родители считали, что эта дорога небезопасна: в развалинах зданий жили нищие и бездомные. Но Томас категорически отказался ходить в школу в сопровождении взрослых. Мама нашла выход – она попросила Виргилиуса Норейку, мальчика постарше и покрепче, который жил в доме напротив, ходить в школу вместе с Томасом. Они подружились. Виргилиус видел, что Томасу неуютно среди одноклассников: его дразнили «Томас, Томас!» (редкое в то время имя стало прозвищем), гонялись за ним. Возможно, Томас их раздражал и как сын Антанаса Венцловы (хотя ни его облик, ни поведение не обнаруживали принадлежности к советской номенклатуре), возможно, он просто слишком отличался от них: ушедший в себя нервный мальчик. Так или иначе, все это травмировало мальчика, поэтому Виргилиус помог ему перейти в свой, параллельный класс, в котором из-за недавно прошедшей школьной реформы учились дети постарше. «Завтра Томас пойдет в другой класс – к Виргису. Интересно, будет ли ему там лучше?» – пишет мужу зимой 1952 года Элиза Венцловене¹⁸. Сам Виргилиус скоро перешел в музыкальную школу (он стал известным певцом).

В этом классе Томас действительно освоился и нашел друзей на всю оставшуюся жизнь – Рамунаса (Ромаса) Катилюса, Зенонаса Буткявичюса (с которым, правда, теснее сошелся уже в университете) и Пранаса Моркуса, учившегося на один класс младше. Классной руководителем была Броне Катинене, которая преподавала литовский, Томас напоминал поэта Юлюса Янониса – черный высокий воротничок, ремень, огромные глаза, освещающие лицо. В этом классе каждый чувствовал себя свободно. Хорошая успеваемость вызывала уважение, а не насмешки. Подростки 15—16 лет понимали: учиться необходимо, чтобы поступить после школы в институт или университет. Только это могло спасти их от службы в советской армии.

Уровень школы тоже был достаточно высоким: большинство учителей получили образование в довоенной Литве. Особенно важны для Томаса и его одноклассников были уроки учителя русского языка Михаила Шнейдера. Он приехал в Литву из России. Ходила легенда, что Шнейдер написал диссертацию, в которой доказывал единство взглядов Льва Толстого как писателя и как гражданина, противореча таким образом Ленину¹⁹. В то время такую диссертацию защитить было, конечно, невозможно, и он стал преподавать в вильнюсской средней школе русскую советскую литературу.

Быстро разобравшись с Максимом Горьким, Михаилом Шолоховым и Александром Фадеевым, учитель посвятил много уроков раннему Маяковскому, приучая своих учеников понимать и анализировать поэзию модернизма. Шнайдер, Маяковский и многотомная библиотека отца увлекали Томаса, пробуждали интерес к русской литературе. В стихах Маяковского встречались имена: Борис Пастернак, Сергей Есенин, Велимир Хлебников, Александр Блок.

---

¹⁶ Диктофонная запись беседы с К. Гинкасом и Г. Яновской от 1 июня 2000 года (личный архив автора).

¹⁷ Draugai. Ieva, 1996. №1. P. 13.

¹⁸ Письмо Э. Венцловене А. Венцлове от 16 января 1952 года // LLTI BRS. Ф. 5. Ед. хр. 493.

¹⁹ Диктофонная запись беседы с Р. Катилюсом от 16 сентября 1998 года (личный архив автора).

Томас пытался узнать что-нибудь об этих поэтах. Он почти всегда находил нужную книгу. Кроме того, русскую поэзию хорошо знал его отец. Так он узнавал все больше о русской литературе. Поэму Маяковского «Облако в штанах» Томас даже перевел на литовский (перевод остался неопубликованным).

Еще в школе Томас с друзьями заинтересовались архитектурой. Это началось с ежедневных прогулок по старому Вильнюсу, который «был независим от советской власти. Если ночью, когда падает снег, взглянуть на костел святой Анны или святого Иоанна, ты чувствуешь, что ни от кого независим, что ты наедине с собой, но в то же время не один».²⁰

Ромас Катилиус вспоминает, что однажды летом он даже конспектировал лучшую книгу того времени о вильнюсской архитектуре – «Искусство Вильнюса» Николая Воробьева. В старом городе юноши играли, угадывая архитектурные стили, века и даже десятилетия. Позднее Вильнюс стал для одной из главных тем поэзии Венцловы, а в 2001 году он даже выпустил книгу «Вильнюс. Путеводитель по городу».

Так в школе, расположенной в бывшем монастыре, появились друзья, и возник интерес к поэзии. Урезанная, искаженная идеологией школьная программа не оттолкнула от литературы ни лучших учителей, ни самых способных учеников.

---

²⁰ Там же.

2. Студенческие годы

Университет научил меня одной важной вещи: культуру и свободу практически нельзя уничтожить. Они находят обходные пути, десятилетиями скрываются, эмигрируют, идут в лагеря, но всегда воскресают, и справиться с этим невозможно...

Томас Венцлова

В годы окончания средней школы Томас решил, что будет изучать биологию. Образованные юноши в то время прекрасно понимали, сколько реверансов и приседаний перед властью им придется делать, если они станут гуманитариями, и думали об этом, выбирая специальность. «Такие науки, как право, философия и экономика, отпадали сразу как пропагандистские. Мы прекрасно понимали: там ты будешь исполнять волю власти, служить ей. В каком-то смысле мы уже приспособились к режиму, но служить ему не хотели»²¹. Поэтому Ромас Катилюс, в будущем друг Иосифа Бродского, выбрал физику, науку точную и независимую от идеологии.

В то время так поступали не только в Литве. Людмила Штерн, тоже будущая приятельница Бродского, выросшая в семье гуманитариев, в конце пятидесятых собиралась поступать на филфак в Ленинграде. Ее отец, знаменитый юрист, был против: «Очень прошу тебя, иди в геологию... Врать придется меньше. Гранит состоит из кварца, полевого шпата и слюды при всех режимах»²². Не она одна стала геологом из этих соображений: «Я поступила в Горный, и оказалось, что там поэтов и прозаиков на один квадратный метр было больше, чем в Союзе писателей»²³. Геология казалась тогдашней молодежи спасительной, по-видимому, еще и потому, что можно было на время скрыться «на краю земли, вдали от царящих в „культурных“ центрах кагэбэшных всевидящих очей»²⁴. Несколько одноклассников Томаса тоже решили изучать геологию.

Тем не менее сам Томас все же решил стать филологом и 1 сентября 1954 года поступил на литуанистику – отделение историко-филологического факультета Вильнюсского университета. Основанный иезуитами в 1579 году университет в то время переживал не самый светлый период своей истории. Обучение в нем, как и повсюду в Советском Союзе, скорее напоминало идеологическую и военную муштру. Впрочем, было несколько профессоров, учиться у которых считалось удачей. Лексикограф Юозас Бальчиконис; языковеды Витаутас Мажюлис и Зигмас Зинкявичюс; Ричардас Миронас, преподававший санскрит и греческий; знаток Литвы XVI и XVII столетий Юргис Лебедис; вернувшийся из сталинских лагерей Василий Сеземан, которому Томас сдавал логику; некоторые другие. Кроме того, атмосфера старого университета, в котором учились Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий (а в 1929—1934 годах и Чеслав Милош), его архитектура, библиотека сохраняли свою притягательность и неповторимость.

Построенные в разное время и соединенные в один ансамбль здания университета выглядели угрюмо и запущенно, но каждое из них было частью истории и культуры. «Ренессансный дворик Скарги напоминает площадь небольшого итальянского города. Классицистический двор Почобута – укромный и таинственный, там в марте-апреле тени голых веток падают на круглые башни обсерватории, расписанные знаками зодиака. Двор Сарбевию <...> – самый ста-

---

²¹ Диктофонная запись беседы с Р. Катилюсом от 16 сентября 1998 года (личный архив автора).

²² Штерн Л. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. М., 2001. С. 30.

²³ Там же. С. 30.

²⁴ Там же. С. 30.

рый, с готическими контрфорсами, посреди него зияет пустой потрескавшийся фонтан. Есть еще дворик Мицкевича: знатоки вам покажут окна поэта».²⁵

Всего в университете – тринадцать дворишков, и все разные. Большая часть библиотечного фонда была недоступна для студентов и простых читателей, ведь самые ценные книги считались идеологически вредными для советского человека. Поэтому их брали только в закрытых спецфондах по специальному разрешению. К учебе Томас относился очень серьезно, «каждый день сидел в университетской библиотеке до десяти или одиннадцати часов вечера»²⁶. Примерно в 1956 году, после событий в Польше, он овладевает польским, чтобы узнавать новости из гораздо более смелых польских газет. Позже польский язык стал своеобразным эсперанто для людей Восточной Европы, оппозиционно настроенных к коммунистической власти²⁷. Польская печать была либеральнее, кроме того, на этот язык переводили больше западноевропейской литературы, чем на литовский или русский. Польский приоткрывал окно в мир.

В это время Томас также учит английский и немецкий языки. Вместе с приятелем он даже ищет раввина, «чтобы нас обучил древнееврейскому языку, но разве найдешь раввина в послевоенном Вильнюсе?»²⁸ Он серьезно интересовался не только литературой и языками, но и современной музыкой, искусством и многим другим: «Попробовал <...> просмотреть „Введение в метаматематику“ Клини, но книга явно требует усидчивости».²⁹

В годы студенчества Томас Венцлова изучает и западную, и русскую литературу (в дневнике – имена Поля Валери, Джорджа Оруэлла, Хенрика Ибсена, Фридриха Дюрренматта, Гийома Аполлинера, Томаса Стернза Элиота, Шарля Бодлера, Джеймса Джойса, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Николая Гумилева и других авторов, приводятся характеристики прочитанного). Он совершенствует немецкий язык, изучает философию (Фридриха Ницше, Бертрانا Рассела, Иоганна Готлиба Фихте).

В дневнике 1958—1960 годов особенно много записей о Франце Кафке. В 1959 году Антанас Венцлова купил «Замок» Кафки на польском языке. «На книжную базу, – пишет Томас, – пришло несколько книг. Две по специальной резолюции попали в книжный магазинчик ЦК, где их получили папа и Межелайтис. Другие были списаны и сожжены (XIV век!). Еще несколько разделили между собой работники базы, читают и хвалят. Но у них достать трудно».³⁰

Другими словами, Кафка кажется особенно опасным писателем (книги даже сжигают), но своим людям читать можно (Антанасу Венцлове и Эдуардасу Межелайтису, будущему лауреату Ленинской премии).

В 1963 году на собрании Союза писателей Антанас Венцлова рассказывает о беседе с одним «талантливым и начитанным юношей» (не с сыном ли?), который не хочет «активно участвовать в жизни», и как пример приводит Пруста и Франца Кафку, «любимого всеми модернистами Франца Кафку, который почти всю жизнь корпел на какой-то мелкой службе и создал гениальные творения».

Венцлова продолжает: «Да, товарищи, были и Пруст, и Кафка – несчастные художники капиталистического общества, наделенные огромным талантом и обреченные из-за болезней и других тяжелых условий на одиночество и самокопание. Они мучительно создавали свои творения, преодолевая недуги и безысходную изолированность от общества. Но эти трагические исключения нельзя считать правилом».³¹

²⁵ *Venclova T. Vilties formos: Eseiistika ir publicistika. Vilnius, 1991. P. 64.*

²⁶ Письмо Э. Венцловене А. Венцлове от 15 октября 1955 года // LLTI BRS. Ф. 5. Ед. хр. 1352.

²⁷ Доклад Н. Горбаневской на конференции «Томас Венцлова – человек пограничья», Сейны, 31 августа 2001 года.

²⁸ *Venclova T. Вильнюс как форма духовной жизни // Венцлова Т. Свобода и правда. М., 1999. С. 73.*

²⁹ *Venclova T. Iš 1958—1960 metų dieno-raščio // Kultūros barai. 1997. № 12. P. 80.*

³⁰ *Ibid. 1998. № 1. P. 69.*

³¹ *Venclova A. Речь, произнесенная на открытом партийном собрании по вопросам литературы в Союзе писателей Литов-*

Антанас Венцлова, не желая возвеличивать Кафку и Пруста, не сомневался, однако, в их «огромном таланте». Это было редкостью для того времени: как правило, столпы советской литературы приходили в ужас от книг, выходивших на Западе. Один из литовских прозаиков писал Антанасу о своих младших коллегах: «Приходят люди какие-то опустошенные, духовно усталые, с томиком Кафки в руках вместо молитвенника. Иногда думаешь: может лучше молитвенник, чем Кафка? Там хоть какой, но бог, а тут – ничего святого, обрыв над пропастью, туманы, тьма»³². Удивительно, что для советского писателя-атеиста даже молитвенник не так опасен, как Кафка.

Наступил 1956 год, во многом знаменательный для Томаса. В конце марта комсомольцам университета (а Томас, как и многие ученики, вступил в комсомол еще в школе) прочли секретный доклад Хрущева о Сталине. Антанас Венцлова пишет в дневнике: «Томас вернулся ошеломленный и сегодня листает книгу Барбюса»³³. Это была биография Сталина, написанная Анри Барбюсом, просталинская, но все-таки запрещенная в Советском Союзе, поскольку в ней упоминались имена казненных соратников тирана. Некоторое время казалось, что жизнь станет свободнее. Томас публикует в «Советском студенте» краткую историю Вильнюсского университета, и к этой, скорее анти-, чем просоветской статье редакция подбирает фото мемориальной доски Дзержинскому. «Железный Феликс» действительно учился в здании университета, когда там располагалась гимназия. В ней же учился и знаменитый русский филолог Михаил Бахтин, но редакцию это не заинтересовало. В той же газете Томас и его одноклассник Ромас Катилюс, студент физико-математического факультета, публикуют заметку, в которой предлагают создать общество охраны памятников культуры, занимающееся их защитой и разжигающее интерес к их истории. Статья напечатана в номере от 17 октября 1956 года, то есть накануне венгерских событий. События в Венгрии совпали с днем поминовения усопших, праздником, который давно причинял головную боль властям. В этот день литовцы не только убирали могилы своих близких и зажигали на них свечи, но и навещали могилы борцов за независимость Литвы. С точки зрения литовцев, это был патриотизм и противление власти, с точки зрения властей – национализм и антисоветская деятельность. В 1956 году студенты собрались на кладбище Расу в Вильнюсе, где похоронены многие деятели литовской культуры. У могилы Йонаса Басанавичюса, вдохновителя восстановления независимой Литовской Республики в 1918 году, пели патриотические песни и запрещенный в то время гимн Литвы. Когда студенты возвращались с кладбища, их начала разгонять милиция, нескольких человек арестовали. Томаса не взяли, но заметили: на кладбище было много осведомителей КГБ. Комсомол наказал его «строгим выговором с внесением в личное дело».

Подавление революции в Венгрии 4 ноября 1956 года связано у Томаса с главным мировоззренческим переломом в его жизни: последние иллюзии о возможности улучшения социализма окончательно развеялись.

Венгерские события нашли отражение и в стихах Томаса, позднее объединенных в цикл «Стихи 1956 года». В первом стихотворении цикла «Идальго» ясно прослеживается связь с двумя другими текстами: «Дон Кихотом» Сервантеса и пастернаковским «Гамлетом». О Сервантесе напоминает и само название, и упоминание Санчо в первой строке, и, возможно, понятие неравного боя:

Дай мне руку, Санчо. Брат мой,
Я встану. Не могу. Сейчас.
Вот, я тут. Из забытого романа

ской ССР 28 февраля 1963 года // LLTI BRS. Ф. 5. Ед. хр. 1594.

³² Письмо Ю. Балтушиса А. Венцлове от 30 июня 1968 года // Там же. Ед. хр. 1891.

³³ *Venclova A. Prie Nemuno liepsnoja uogos. Vilnius, 1996. P. 297.*

Я вышел на неравный бой.³⁴

В каждой из четырех строф стихотворения точно повторяется ритмика, использованная Пастернаком («Я один, все тонет в фарисействе. / Жизнь прожить – не поле перейти»). Аллюзия к пастернаковскому «Гамлету» подчеркивает тему жертвенности, принятия вызова, брошенной судьбой. По мнению М. Л. Гаспарова, «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова, «Вот иду я вдоль большой дороги» Тютчева, «Выхожу я в путь, открытый взорам» Блока и «Гул затих, я вышел на подмостки» Пастернака имеют общие черты. «Всюду тема пути – и не только дорожного, но и жизненного, и всюду пятистопный хорей»³⁵. Так, в этот ряд вписывается и стихотворение «Идальго» Томаса Венцловы, также посвященное выбору жизненного пути.

Второе стихотворение из этого цикла – миниатюра в четырех строчках о живых и умерших:

Мерой страсти, муки и тревоги
Будет вымерено все, что молчало.
Будут спать трупы, урны и мавзолеи,
Но живые не сомкнут глаза.³⁶

В третьей части «Стихов 1956 года» мы находим цитату из поэмы «Литва молодая», написанной Майронисом – поэтом литовского национального возрождения конца XIX века. Более того, в «Стихах...» Венцлова ведет своеобразный диалог с Майронисом:

вчитаемся в древние письмена,
тронем ладонями другое время —
сказано: от Черного моря,
угадано: по склонам Карпат.³⁷

Песня молодых патриотов в «Литве молодой» звучит оптимистично: «Славяне восстали. От Черного моря / Весна наступает по склонам Карпат»³⁸. У Майрониса упоминается революция в Венгрии 1848—1849 годов, после которой в 1867 году было образовано Австро-Венгерское государство: «Венгры не будут больше рабами. / Видят венец святого Стефана / На голове своих королей»³⁹. Тогда Венгрия добилась того, что стала суверенной частью Австро-Венгерского государства, в то время как восстание 1956 года было подавлено. Именно эти события имеет в виду Венцлова под «другим временем». Во времена Майрониса вместе с вестью о восставших славянах с Черного моря пришла весна, то есть свобода Литвы. В 1956 году со славянской стороны по тем же самым карпатским горам в Венгрию шли советские танки.

С другой стороны, часть литовского общества надеялась, что после венгерского восстания свобода так или иначе достигнет Литвы. Правда, эти надежды быстро развеялись, как и остатки иллюзий о советской власти. Весна Майрониса обернулась осенью в стихах Томаса Венцловы:

Нам осталось лишь пространство и агония,

---

³⁴ Подстрочный перевод.

³⁵ Гаспаров М. Л. Семантика метра у раннего Пастернака // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 26. С. 142.

³⁶ Подстрочный перевод.

³⁷ Подстрочный перевод.

³⁸ *Maironis. Raštai*. Vilnius, 1988. Т. 2. Р. 80 [подстрочный пер.].

³⁹ *Ibid.* Р. 80.

не сможем дышать —
о, какая короткая осень, как далеко Антигона,
моя сестра.⁴⁰

Первое стихотворение цикла – о выборе жизненного пути, поэт выбирает пусть донкихотский, неравный, но жертвенный бой. Последнее звучит без тени той надежды, которой так много было у Майрониса, нет даже утешения – Антигона далеко.

В 1957/58 учебном году Томас Венцлова взял так называемый академический отпуск. За это время он окончил курсы вождения грузовиков, иначе говоря, приобрел специальность. Но гораздо важнее, что у него стало больше времени для самообразования. Во время академа у Томаса завязались и первые важные знакомства с москвичами и литовцами, учившимися тогда в Москве: Виргилиусом Чепайтисом, Александром Штротасом, Пранасом Моркусом (последнего вскоре выгнали из Московского университета за чтение неблагонадежной литературы, и он вернулся в Вильнюс).

В 1958—1959 годах также произошло много событий. Осенью 1958 года в университете задумали выпускать альманах «Творчество». Составителем был друг Томаса, будущий литовский медиевист Юозас Тумялис. Томас отдал в альманах свою курсовую работу о концепции народа у двух литовских классиков – Жемайте и Винцаса Креве. Пожалуй, в его биографии это была единственная попытка осмыслить мироощущение и философию крестьянина. Увы, альманах был задержан цензурой, и в начале 1959 года произошла расправа со слишком, по мнению власти, патриотично настроенными преподавателями кафедры литовской литературы – Иреной Косткявичюте, Мяйле Лукшене, Аурелией Рабачяускайте, Вандой Заборскайте. Больше всего пострадал, наверное, Тумялис, которого исключили из университета (диплом он получил лишь спустя много лет). Томас был вынужден отстаивать свои убеждения в Колонном зале университета – когда громили альманах. От больших неприятностей его, по-видимому, защитило имя отца.

В конце октября 1958 года становится известно, что Пастернак выдвинут кандидатом на Нобелевскую премию. 20 октября несколько друзей – Томас Венцлова, Юозас Тумялис, Пранас Моркус и Ромас Катилюс – пишут поздравление: «Борис Леонидович! Очень рады известию о том, что Ваше произведение представлено к награде Шведской академии. В этом мы видим признание и поддержку всего Вашего творчества, которое нужно и дорого для нас. Поздравляем, желаем здоровья и новых книг»⁴¹. Письмо в Москву Моркус отвез в тот день, когда премию уже присудили – в разгар кампании против Пастернака. Письмо он передал Ирине Емельяновой, дочери Ольги Ивинской.

Отголоски этой травли Томас почувствовал и в Вильнюсе. 16 января 1959 года в Союзе писателей состоялось собрание, на котором обсуждали стихи Томаса Венцловы и Владаса Шимкуса. Вполне вероятно, что оно созывалось с намерением противопоставить, столкнуть этих поэтов (Шимкус – «пролетарий»,

Венцлова – «интеллигент» и «декадент»). Столкновения не вышло, но Томасу пришлось включиться в дискуссию, поскольку на собрании, кроме горсточки друзей, были и враждебно настроенные люди. Поэт Антанас Йонинас, приверженец официальной идеологии, покровительственно предложил Венцлове положить стихи в стол, намекнув на их ненужность: «Всем и так ясно, что король-то голый». На это в своем заключительном слове Томас ответил: «Под рубашкой мы все голые. В конце концов единственная разница – какая у нас рубашка, приспособленческая, конъюнктурная или другая».⁴²

---

⁴⁰ Подстрочный перевод.

⁴¹ *Venclova T. Iš 1958—1960 metų dienoraščio // Kultūros barai. 1997. № 12. P. 80.*

⁴² Диктофонная запись беседы с Р. Катилюсом от 22 сентября 1998 года (личный архив автора).

Один из выступавших отметил, что стихи Венцловы мог бы написать и доктор Живаго. На это Томас «посмел сказать, что его любимый поэт – Борис Пастернак, а романа он не читал, как и те, кто его осуждает».

Стихотворение Венцловы «Идальго», прочитанное на фоне этого собрания, забыть невозможно («нам суждены площади и трибуны, / Башни танков, веревка и пуля»⁴³)⁴⁴. Именно тогда, по словам самого поэта, началась его личная война с советской властью, которая в конце концов закончилась эмиграцией.⁴⁵

В то время Томас Венцлова кому-то напоминал князя Мышкина (Юдите Вайчюнайте, Людмиле Сергеевой), кому-то – смесь Дон Кихота и князя Мышкина (Каме Гинкасу), немецких романтиков (Натали Трауберг). И поэта, и его стихи отличали несоответствие среде, вызов, бросаемый могущественной власти.

В университетские годы Томас Венцлова стал более открытым. Сокурсники, съехавшиеся в университет со всей Литвы, сама специфика студенческой жизни заставили его «вылезти из книжного шкафа», сбежать от чрезмерной опеки родительского дома⁴⁶. Жизнь стала богемной, возник круг друзей, с которыми Томас встречался в «Стоиле Пегаса» – забегаловке с несколькими столиками, политыми дешевым вином. Появился игровой элемент, который был тогда очень важен. Так однажды несколько друзей организовали на горе Таурас свой поэтический вечер: «Читали что ни попадя, главное – чтобы звучали только хорошие стихи».⁴⁷

В 1958 году Моркус с Чепайтисом купили кинокамеру «Пентака». Одно из их совместных произведений – восьмиминутный фильм «Мотылек», главным героем которого был Томас. Фильм являл собой своего рода пасквиль (так его назвал Чепайтис), но смеялись не над Томасом, а над советской идеологией. Снимали в Вильнюсе (Моркус) и в Москве (Чепайтис), монтировал Чепайтис. Снятый материал сопровождают надписи. Первая надпись: «По сокращенной неделе трудится пролетариат». Мы долго видим, как женщины в серых одеждах колют лед. Это московский эпизод. Далее показываются нарисованные мотыльки, после которых идут кадры мотыльковой жизни Томаса в Вильнюсе, в его квартире, городе, на горе Таурас, у старого лютеранского кладбища. Потом раскрытая книга. На развороте – портрет Антанаса Венцловы и надпись «Ох!». Видно, что мотылек далек от пролетариата. Затем Томаса наряжают в огромный деревенский тулуп, но надпись гласит: «Не спасет овечья шкура, видны волчьи ноги». Шуба-то коротковата. И с крестьянами мотыльку не по пути. Финальная надпись: «Не наш мотылек». Весной 1959-го фильм закончен, операторскую работу хвалит даже известный кинорежиссер Леонид Трауберг, отец Натали, в то время – жены Чепайтиса.⁴⁸

Поскольку Советский Союз был милитаризованным государством, все студенты должны были получать и военное образование – юноши становились лейтенантами запаса, девушки – медсестрами. Весь учебный год проводились лекции по военному делу, летом – военные лагеря.

Когда Томас с друзьями попали в такой лагерь, им дали задание выпустить стенгазету. Появилась стенгазета «13 Швейков» (студентов было тринадцать). Но руководство не оценило юмора, разразился скандал. Стенгазету пришлось переделать – на этот раз пародия была менее явной. Подобные акции как бы подчеркивали дистанцию между советской реальностью, в которой как-то приходилось участвовать, и самовыражением: они создавали мир, параллельный официальному.

⁴³ Подстрочный перевод.

⁴⁴ *V ai č i ū nait ė J. Tomas Venclova... // Naujasis židinys/Aidai. 1993. № 12. P. 57.*

⁴⁵ Письмо Т. Венцловы автору от 20 марта 1994 года (личный архив автора).

⁴⁶ Диктофонная запись беседы с З. Буткявичюсом от 13 января 2002 года (личный архив автора).

⁴⁷ *Venclova T. Iš 1958—1960 metų dienoraščio // Kultūros barai. 1997. № 11. P. 63.*

⁴⁸ Диктофонная запись беседы с Н. Трауберг от 8 сентября 2001 года, диктофонная запись беседы с П. Моркусом от 8 января 2002 года (личный архив автора).

Еще в 1958 году в компании Томаса возникла мысль «создать небольшой лекторий»⁴⁹, в котором друзья читали бы друг другу лекции из той области современной западной культуры, в которой больше разбираются. Кружок удалось создать только в 1960 году, когда Томас уже окончил университет (весной). Молодые люди собирались у братьев Катилюсов или у тети будущего режиссера Гинкаса, где он тогда жил, и беседовали о важнейших явлениях западной культуры. К каждой встрече кто-нибудь подготавливал реферат по самой близкой ему теме. Томас рассказывал о Джойсе, Кафке, Сен-Жон Персе (тогда он перевел и несколько фрагментов его «Анабасиса»), Гинкас – о Мейерхольде и Ле Корбюзье. Кто-то рассказывал о Пауле Хиндемите. Дагне Якшявичюте хотела поставить силами кружка «Урок» Эжена Ионеско, но это не удалось. Гинкас вспоминает, как на стол ставили ритуальную (именно ритуальную, одну на шесть-семь человек) бутылку венгерского «Токая», которая символизировала Запад. «Пить литовскую или русскую водку было бы неправильно. „Советское шампанское“ означало бы измену идее», – мягко иронизирует Гинкас, вспоминая те годы.⁵⁰

В середине апреля 1960 года в Вильнюс приехал Александр Гинзбург, который тогда начал издавать журнал «Синтаксис» и хотел сделать литовский номер. Журнал был неофициальным, но и не подпольным. Издатель придерживался следующей позиции: что не запрещено, то разрешено. Один экземпляр издания Гинзбург сам отсылал в КГБ, показывая этим, что ничего антигосударственного в нем нет. «Два номера были составлены из стихов московских поэтов, один номер – из ленинградских. <...> „Синтаксису“ удалось открыть такие имена, как Булат Окуджава, Иосиф Бродский, Генрих Сапгир, Белла Ахмадулина. <...> В общем, выходило по номеру каждые два месяца»⁵¹

---

⁴⁹ *Venclova T.* Iš 1958—1960 metų dienoraščio // *Kultūros barai.* 1997. № 12. P. 80.

⁵⁰ Диктофонная запись беседы с К. Гинкасом от 1 июня 2000 года (личный архив автора).

⁵¹ Из выступления А. Гинзбурга на радиостанции «Свобода» 22 октября 2000 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.